

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ВЛИЯНИЕ НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ СКЛОННОСТИ К НАСИЛЬСТВЕННОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.Г. Маджуга¹, А.А. Саидов²

¹ *Институт развития образования Республики Башкортостан, Россия, 450005, Уфа, ул. Мингажева, 120*

² *Чеченский государственный педагогический университет, Россия, 364037, Грозный, ул. Субры Кишиевой, 33*

Резюме

Проблема насильственного экстремизма остается актуальной для современного общества, представляя серьезную угрозу его стабильности и безопасности. Существенную социальную опасность представляет вовлечение молодежи, включая студентов, в экстремистские движения. В связи с этим целью проведенного исследования стало изучение социально-психологических детерминант, оказывающих влияние на склонность к насильственному экстремизму среди студенческой молодежи. В исследовании приняли участие 100 студентов 1–2-х курсов Чеченского государственного педагогического университета в возрасте от 17 до 23 лет. В качестве диагностического инструментария были использованы методики: «Диагностика диспозиций насильственного экстремизма» (Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов), «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е.П. Ильин), «Удовлетворенность жизнью» (Н.Н. Мельникова), «Виды и компоненты толерантности–интолерантности» (Г.Л. Барднер), «Шкала базисных убеждений» (Р. Янофф-Бульман), «Структура этнической идентичности» (М.В. Верещагина), «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях CISS» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер), «Коммуникативные умения» (Л. Михельсон). Эмпирические результаты показали, что у большинства студентов наблюдается средний уровень выраженности диспозиций насильственного экстремизма, однако некоторая доля респондентов (39%) демонстрирует высокие значения хотя бы по одному показателю, а 7% респондентов характеризуются высокими показателями по трем и более диспозициям, что позволяет отнести их к «группе риска». Особое внимание было уделено изучению влияния личностной агрессивности, удовлетворенности жизнью и толерантности на склонность студентов к насильственному экстремизму. В ходе корреляционного анализа по Ч. Спирмену выявлены значимые связи между высокой агрессивностью, низким уровнем удовлетворенности жизнью и низким уровнем толерантности с предрасположенностью к экстремизму. По результатам корреляционного анализа были определены основные социально-психологические детерминанты склонности личности к насильственному экстремизму:

агрессивность как личностная характеристика, неудовлетворенность жизнью, интолерантность, использование неадаптивных копинг-стратегий в стрессовых ситуациях, деструктивные базисные убеждения, проблемы в осознании и принятии собственной и чужой этнической идентичности, предпочтение агрессивных коммуникативных умений. На основе полученных результатов сделан вывод о необходимости разработки и реализации программ психолого-педагогического сопровождения и социальной адаптации студенческой молодежи, которые позволят эффективно противодействовать распространению экстремистских тенденций среди молодежи и минимизировать риски ее вовлечения в экстремистскую деятельность.

Ключевые слова: экстремизм; студенческая молодежь; социально-психологические детерминанты; агрессивность; неудовлетворенность жизнью; интолерантность; копинг-стратегии; базисные убеждения; этническая идентичность; коммуникативные навыки

Введение

В современном мире проблема экстремизма приобретает особую актуальность, что подтверждается Резолюцией Совета Безопасности ООН 2178¹, где подчеркивается необходимость превентивных мер против экстремизма как питательной среды терроризма. Генеральная Ассамблея ООН также признает негативное влияние экстремизма на мир, права человека и развитие общества, отмечая важность работы с молодежью² и значимость научного сообщества в противодействии данной угрозе³.

В России наблюдается рост преступлений экстремистского характера, что отражено в статистике МВД РФ (Сапожников, 2023). Стратегия противодействия экстремизму до 2025 г. определяет это явление как одну из основных угроз национальной безопасности⁴.

Особое внимание исследователей привлекает проблема вовлечения студенческой молодежи в экстремистскую деятельность. Находясь в процессе формирования мировоззрения, молодые люди становятся уязвимыми к деструктивным идеологиям (Буданов, Колесников, 2022).

В контексте исследования насильственного экстремизма важно определить его как социально-психологический феномен, проявляющийся через деструктивные диспозиции в различных сферах личности. Д.Г. Давыдов и

¹ Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами (2014): резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (S/RES/2178), принятая на 7272-м заседании. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/s/res/2178-%282014%29>

² Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (2021). Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций: седьмой обзор: резолюция, 75-я сессия. URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/un-global-counter-terrorism-strategy>

³ Международный день предупреждения насильственного экстремизма, создающего питательную среду для терроризма (2022): резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (A/RES/77/243). URL: <https://www.un.org/ru/observances/prevention-extremism-when-conducive-terrorism-day>

⁴ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (2020): Утверждена Указом Президента РФ от 29.05.2020 № 344. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0001202005290036>

К.Д. Хломов (2017, с. 80) подчеркивают необходимость введения признака «насильственный» при изучении данного явления.

В рамках настоящего исследования мы рассматриваем насильственный экстремизм как социально-психологический феномен, связанный с формированием деструктивных диспозиций на уровнях потребностно-мотивационной, ценностно-смысловой, эмоционально-аффективной и коммуникативной сфер личности. Он проявляется в усилении убежденности в несправедливости и враждебности окружающего мира, повышении уровня личностной агрессивности, снижении удовлетворенности жизнью, ухудшении коммуникативных навыков, отсутствии толерантности и демонстрации неадаптивных копинг-стратегий в стрессовых ситуациях. Эти деструктивные проявления личности способствуют применению агрессии и насилия по отношению к другим людям для достижения радикальных идеологических, политических или религиозных целей, а также направлены на пропаганду и оправдание таких действий.

Что касается склонности к насильственному экстремизму, следует отметить, что на протяжении многих лет психологи и психиатры пытались раскрыть его психологические основы на индивидуально-личностном уровне. Однако ранние попытки, основанные на психопатологии или психических заболеваниях, показали, что они, как правило, не являются основными причинами экстремистского поведения. R. Borum (2014) опровергает связь экстремистского поведения с психическими заболеваниями, предлагая изучать нормальные психические процессы и установки, влияющие на склонность к экстремизму.

Исследователи выделяют различные социально-психологические детерминанты: социальное неравенство (Сериков, 2020), чувство беспомощности (Borum, 2015; Kharroub, 2015), потребность в групповой принадлежности (Taylor, 1988).

Современные исследования подчеркивают важность учета социального контекста и межличностного опыта (Vukčević Marković, Nicović, Živanović, 2021). L. Pauwels и N. Schils (2016) отмечают влияние социальных сетей и информационной среды на формирование экстремистских настроений.

А.С. Кузнецова и А.В. Хавыло (2021) выделяют когнитивные и поведенческие аспекты склонности к экстремизму, включая неприятие других культур и негативные стереотипы. Исследования показывают связь с социально-психологической дезадаптацией (Elzesser, 2023) и низким эмоциональным интеллектом (Тупикова, Гудкова, Овчинников-Лысенко, 2023).

А. Kruglanski и соавт. (2019) указывают на роль мотивационного дисбаланса, а Troian и соавт. (2019) исследуют влияние экзистенциальных мотивов. А. Harpviken (2020) подчеркивает значимость травматического опыта и особенностей социализации.

R. Agnew (2010) в теории напряжения связывает рост экстремизма с «групповым напряжением», что подтверждается исследованиями Nivette и соавт. (2017). T. Kharroub (2015) и R. Savage (2019) акцентируют внимание на процессах дегуманизации и групповой идентификации.

Исходя из представленных исследований, можно заключить, что проблема насильственного экстремизма среди студенческой молодежи требует многогранного подхода. Необходимо учитывать широкий спектр факторов: от индивидуальных психологических особенностей до социокультурных и экономических условий, а также влияние ближайшего социального окружения и информационной среды. Такой комплексный анализ позволит разработать эффективные стратегии профилактики и коррекции, направленные на уменьшение риска вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность и повышение ее социальной адаптации и психологического благополучия.

Однако, несмотря на множество исследований, вопрос о социально-психологических детерминантах склонности к насильственному экстремизму требует дальнейшего изучения, что определило направление нашего исследования среди студенческой молодежи.

В этой связи нами было проведено исследование, целью которого стало изучение социально-психологических детерминант, влияющих на склонность к насильственному экстремизму среди студенческой молодежи.

Материал и методы исследования

Эмпирическое исследование социально-психологических факторов склонности к насильственному экстремизму проводилось среди студенческой молодежи Чеченской Республики. В эксперименте приняли участие студенты 1–2-х курсов Чеченского государственного педагогического университета (Грозный) возрасте от 17 до 23 лет (средний возраст – 19 лет). Общее количество испытуемых – 100 человек.

Для учета социально-демографических характеристик опрошенная на констатирующем этапе исследования выборка респондентов была разделена на следующие группы: по половому признаку – женская выборка (выборка девушек) – 57%, юношеская выборка – 43% человек; по месту жительства – 49% представители села, 51% городские жители.

В качестве исследовательского инструментария были использованы: методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма (Violent Extremism Attitude Scales; VEAS) Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова (2017), направленная на выявление диспозиций к насильственному экстремизму среди подростков и молодежи; методика Е.П. Ильина «Личностная агрессивность и конфликтность» (Шипова, 2016), предназначенная для выявления склонности к конфликтности и агрессивности как личностным характеристикам; опросник Н.Н. Мельниковой «Удовлетворенность жизнью» (2004), позволяющий выявить уровень удовлетворенности жизнью; методика Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (Почебут, 2018); методика Р. Янофф-Бульман «Шкала базисных убеждений», модифицированная М.А. Падун и А.В. Котельниковой (Падун, Котельникова, 2012), основанная на когнитивной концепции базовых убеждений личности; опросник для изучения структуры этнической иден-

тичности М.В. Верещагиной (2010), который позволяет измерить структуру этнической идентичности; методика С. Нормана, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймса, М.И. Паркера «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях CISS», адаптированная Т.А. Крюковой (2007), фиксирующая реакции на стрессовые ситуации; методика Л. Михельсон «Коммуникативные умения» в адаптации Ю.З. Гильбуха (Колмогорова, 2015), предназначенная для измерения уровня коммуникативной компетентности и качества сформированности основных коммуникативных умений.

Количественная математико-статистическая обработка осуществлялась на персональном компьютере с использованием программных комплексов Microsoft Office Excel и IBM SPSS Statistics 27. Анализ эмпирических данных осуществлялся с помощью частотного анализа; при сравнении значений независимых выборок – Т-критерия Стьюдента; расчет связей между переменными проводился с использованием метода корреляций по Ч. Спирмену.

Результаты исследования и их обсуждение

Для изучения склонностей студенческой молодежи Чеченской Республики к насильственному экстремизму нами было проведено исследование с использованием методики диагностики диспозиций склонности к насильственному экстремизму (Давыдов, Хломов, 2017), которая позволяет измерить 11 шкал («Культе силы», «Допустимость агрессии», «Интолерантность», «Конвенциональное принуждение», «Социальный пессимизм», «Мистичность», «Деструктивность и цинизм», «Протестная активность», «Нормативный нигилизм», «Антиинтрацепция», «Конформизм»). Описательные статистики для каждой диспозиции представлены в табл. 1.

Таблица 1

Описательные статистики диспозиций насильственного экстремизма

Диспозиции насильственного экстремизма	N	Минимум	Максимум	Среднее	Стандартное отклонение
Культе силы	100	10	25	17,08	3,174
Допустимость агрессии	100	7	24	16,48	3,307
Интолерантность	100	7	26	16,79	3,494
Конвенциональное принуждение	100	12	29	18,73	2,774
Социальный пессимизм	100	10	24	16,66	2,938
Мистичность	100	7	24	17,50	2,754
Деструктивность и цинизм	100	7	24	17,14	3,200
Протестная активность	100	11	24	17,40	2,523
Нормативный нигилизм	100	7	23	16,10	2,736
Антиинтрацепция	100	11	26	18,56	2,564
Конформизм	100	11	26	17,43	2,524

Детальный анализ полученных эмпирических данных позволяет выявить иерархическую структуру диспозиций насильственного экстремизма в исследуемой выборке. Наиболее высокие средние значения демонстрирует показатель конвенционального принуждения, что представляет особый

интерес в контексте современных исследований экстремистских тенденций. Согласно теоретической концепции Д.Г. Давыдова, данный показатель характеризует комплексную личностную диспозицию, проявляющуюся в стремлении идентифицировать и подвергать санкциям людей, отклоняющихся от общепринятых норм и ценностей. Это выражается в тенденции к установлению жестких требований как к окружающим, так и к себе, что сопровождается постепенным отказом от гуманистических ценностей в пользу карательных мер для восстановления субъективно понимаемой справедливости (Давыдов, Хломов, 2017, с. 85).

Второе место в иерархии диспозиций занимает антиинтрацепция, которая представляет собой сложный психологический конструкт, отражающий выраженное неприятие субъективных переживаний личности. Этот показатель особенно значим, так как свидетельствует о тенденции к подавлению эмоционального компонента в структуре личности, что может создавать предпосылки для развития деструктивных поведенческих паттернов.

На третьей позиции находится мистичность как специфическая форма мировосприятия. Данная диспозиция проявляется в двух взаимосвязанных аспектах: во-первых, это выраженное стремление к избеганию личной ответственности за происходящие события, во-вторых, наличие устойчивой потребности в защите от тревоги и страха перед сложностью реальности через принятие упрощенных, но эмоционально насыщенных объяснений мироустройства. Такая когнитивная стратегия может служить механизмом психологической защиты, однако одновременно создает риск некритичного восприятия экстремистских идеологий.

Показатель нормативного нигилизма демонстрирует наименьшие средние значения в исследуемой выборке. Эта диспозиция характеризуется пренебрежительным отношением к существующим социальным нормам, правилам и законам, что может рассматриваться как потенциальный индикатор склонности к делинквентному поведению. Относительно низкие значения по данному показателю могут свидетельствовать о сохранности нормативной регуляции поведения у большинства респондентов.

Важно отметить, что анализ средних значений по всем исследуемым показателям не выявил критически высоких уровней выраженности диспозиций (превышающих пороговое значение 21 балл), которые позволили бы отнести всю выборку к категории повышенного риска формирования экстремистских установок.

Для получения более дифференцированной картины распределения исследуемых характеристик был проведен детальный частотный анализ уровней выраженности каждой диспозиции (табл. 2). Такой подход позволяет не только выявить общие тенденции, но и определить процентное соотношение респондентов с различными уровнями проявления исследуемых характеристик, что имеет особую значимость для разработки целевых профилактических программ.

Частотный анализ диспозиций насильственного экстремизма в исследуемой выборке выявил преобладание средних значений по большинству по-

казателей. Тем не менее детальное рассмотрение распределения высоких значений по отдельным диспозициям позволило идентифицировать группы повышенного риска среди респондентов.

Таблица 2

**Частотное распределение уровней выраженности диспозиций
насильственного экстремизма**

Диспозиция	Уровни выраженности (%)			Пропущ. ответы
	Низкий	Средний	Высокий	
Культе силы	14,0	77,0	9,0	0
Допустимость агрессии	16,0	80,0	4,0	0
Интолерантность	15,0	78,0	7,0	0
Конвенциональное принуждение	1,0	90,0	9,0	0
Социальный пессимизм	18,0	78,0	4,0	0
Мистичность	9,0	85,0	6,0	0
Деструктивность и цинизм	13,0	81,0	6,0	0
Протестная активность	7,0	88,0	5,0	0
Нормативный нигилизм	18,0	80,0	2,0	0
Антиинтрацепция	4,0	81,0	15,0	0
Конформизм	7,0	88,0	5,0	0

В структуре высоких показателей наиболее выраженной оказалась антиинтрацепция (15% респондентов), за которой следуют культе силы и конвенциональное принуждение (по 9%). Диспозиция интолерантности проявляется на высоком уровне у 7% участников исследования. Мистичность, деструктивность и цинизм демонстрируют высокие значения у 6% респондентов. Протестная активность и конформизм характерны для 5% выборки, тогда как высокая допустимость агрессии и социальный пессимизм отмечаются у 4% опрошенных. Наименее выраженным оказался нормативный нигилизм, проявляющийся на высоком уровне у 2% респондентов.

Кумулятивный анализ показал, что 39% участников исследования демонстрируют высокие значения минимум по одной диспозиции, при этом особую настороженность вызывает подгруппа респондентов, характеризующаяся высокими показателями по трем и более диспозициям (7%). Данная подгруппа может быть классифицирована как зона повышенного риска формирования экстремистских установок, что требует особого внимания в контексте профилактической работы.

Для определения гендерной специфики в проявлении склонности к насильственному экстремизму был реализован сравнительный анализ диспозиций между мужской и женской подвыборками (табл. 3).

Проведенный сравнительный анализ по гендерному признаку обнаружил статистически значимые различия лишь в трех показателях. В среднем мужчины демонстрируют более высокие уровни культе силы, допустимости агрессии и нормативного нигилизма. Эти данные позволяют предположить, что гендерный фактор оказывает определенное влияние на формирование склонности к насильственному экстремизму. Таким образом, муж-

чины проявляют более высокую вероятность вовлечения в насильственную экстремистскую деятельность.

Таблица 3

Сравнение средних значений диспозиций насильственного экстремизма по половому признаку

Диспозиция	Среднее (женщины, n = 57)	Среднее (мужчины, n = 43)	t-знач.	p
Культ силы	16,386	18,000	-2,589	0,011
Допустимость агрессии	15,807	17,372	-2,398	0,018
Интолерантность	16,421	17,279	-1,219	0,226
Конвенциональное принуждение	18,386	19,186	-1,436	0,154
Социальный пессимизм	16,456	16,930	-0,797	0,427
Мистичность	17,632	17,326	0,548	0,585
Деструктивность и цинизм	17,246	17,000	0,378	0,706
Протестная активность	17,140	17,744	-1,188	0,238
Нормативный нигилизм	15,544	16,837	-2,396	0,018
Антиинтрацепция	18,421	18,744	-0,622	0,535
Конформизм	17,088	17,884	-1,573	0,119

Примечание. Полу жирным шрифтом выделены средние значения переменных, имеющие статистически значимые различия в сравниваемых группах ($p \leq 0,05$)

Что касается зависимости показателей насильственного экстремизма от места проживания респондентов, то значимых различий по большинству шкал не выявлено (табл. 4). Из 11 изученных показателей только один – «нормативный нигилизм» – показал зависимость от городской или сельской среды проживания ($p \leq 0,05$).

Таблица 4

Сравнение средних значений диспозиций насильственного экстремизма по признаку места жительства

Диспозиция насильственного экстремизма	Среднее (сельские, n = 49)	Среднее (городские, n = 51)	t-знач.	p
Культ силы	17,224	16,941	0,444	0,658
Допустимость агрессии	15,857	17,078	-1,869	0,065
Интолерантность	17,122	16,471	0,932	0,354
Конвенциональное принуждение	18,571	18,882	-0,558	0,578
Социальный пессимизм	16,755	16,569	0,316	0,753
Мистичность	17,551	17,451	0,181	0,857
Деструктивность и цинизм	17,020	17,255	-0,365	0,716
Протестная активность	17,224	17,569	-0,680	0,498
Нормативный нигилизм	15,429	16,745	-2,467	0,015
Антиинтрацепция	18,408	18,706	-0,579	0,564
Конформизм	17,327	17,529	-0,400	0,690

Примечание. Полу жирным шрифтом выделены средние значения переменных, имеющие статистически значимые различия в сравниваемых группах ($p \leq 0,05$)

Городские жители, как мы видим, более критично относятся к соблюдению общественных законов и социальных норм. Они с большей вероятности пойдут на нарушение правил и законов для достижения своих целей.

Для изучения влияния основных социально-психологических детерминант на склонность молодежи к насильственному экстремизму (личностная агрессивность, неудовлетворенность жизнью, интолерантность, базисные убеждения личности, копинг-стратегии, компоненты этнической идентичности, типы коммуникативных умений) нами был проведен корреляционный анализ с использованием метод ранговой корреляции Ч. Спирмена. Результаты анализа представлен в табл. 5–11.

Таблица 5

Матрица корреляций диспозиций насильственного экстремизма с параметрами личностной агрессивности и конфликтности

Переменные		Вспыльчивость	Напористость	Обидчивость	Неуступчивость	Бескомпромиссность	Мстительность	Нетерпимость к мнению других	Подозрительность
Культ силы	r	0,014	0,374	0,040	0,365	-0,337	0,173	0,190	0,140
	p	0,893	0,000	0,693	0,000	0,001	0,084	0,058	0,164
Допустимость агрессии	r	0,165	0,330	0,118	0,361	-0,382	0,425	0,150	0,151
	p	0,101	0,001	0,241	0,000	0,000	0,000	0,136	0,134
Интолерантность	r	0,048	0,158	0,296	0,201	-0,151	0,045	0,196	0,123
	p	0,632	0,117	0,003	0,045	0,135	0,657	0,051	0,223
Конвенциональное принуждение	r	-0,001	0,205	0,235	0,258	-0,083	0,272	0,059	0,133
	p	0,992	0,041	0,018	0,009	0,412	0,006	0,559	0,188
Социальный пессимизм	r	0,052	0,258	0,231	0,353	-0,224	0,170	0,233	0,312
	p	0,607	0,009	0,021	0,000	0,025	0,090	0,020	0,002
Мистичность	r	0,109	-0,015	0,191	0,137	-0,208	0,093	0,095	0,107
	p	0,281	0,879	0,057	0,175	0,038	0,360	0,349	0,291
Деструктивность и цинизм	r	0,076	0,202	0,330	0,155	-0,205	0,200	0,180	0,371
	p	0,453	0,044	0,001	0,124	0,041	0,046	0,074	0,000
Протестная активность	r	-0,092	0,150	0,222	0,205	-0,058	0,123	0,174	0,189
	p	0,361	0,135	0,027	0,040	0,568	0,223	0,084	0,060
Нормативный нигилизм	r	-0,049	0,130	0,278	0,210	-0,247	0,227	0,184	0,100
	p	0,628	0,196	0,005	0,036	0,013	0,023	0,066	0,320
Антиинтрацепция	r	-0,139	-0,073	0,035	-0,084	0,199	-0,199	-0,027	0,110
	p	0,168	0,472	0,727	0,407	0,047	0,048	0,786	0,277
Конформизм	r	-0,017	0,244	0,198	0,315	-0,263	0,293	0,197	0,148
	p	0,870	0,014	0,048	0,001	0,008	0,003	0,050	0,143
Склонность к насильственному экстремизму	r	0,063	0,309	0,333	0,358	-0,306	0,281	0,198	0,216
	p	0,532	0,002	0,001	0,000	0,002	0,005	0,048	0,031

Примечание. Полу жирным шрифтом выделены статистически значимые коэффициенты корреляции ($p \leq 0,05$)

Корреляционный анализ выявил комплексную систему статистически значимых взаимосвязей между диспозициями насильственного экстремизма и параметрами личностной агрессивности. Так, культ силы демонстрирует

рует выраженные положительные корреляции с напористостью ($r = 0,374$, $p \leq 0,001$) и неуступчивостью ($r = 0,365$, $p \leq 0,001$) при значимой отрицательной связи с готовностью к компромиссу ($r = -0,337$, $p \leq 0,001$). Допустимость агрессии обнаруживает сильные положительные связи с мстительностью ($r = 0,425$, $p \leq 0,001$), неуступчивостью ($r = 0,361$, $p \leq 0,001$) и напористостью ($r = 0,330$, $p \leq 0,001$) при отрицательной корреляции с компромиссностью ($r = -0,382$, $p \leq 0,001$). Социальный пессимизм коррелирует с неуступчивостью ($r = 0,353$, $p \leq 0,001$), подозрительностью ($r = 0,312$, $p \leq 0,01$), напористостью ($r = 0,258$, $p \leq 0,01$), нетерпимостью к мнению других ($r = 0,233$, $p \leq 0,05$) и обидчивостью ($r = 0,231$, $p \leq 0,05$). Деструктивность и цинизм показывают значимые связи с подозрительностью ($r = 0,371$, $p \leq 0,001$), обидчивостью ($r = 0,330$, $p \leq 0,001$) и напористостью ($r = 0,202$, $p \leq 0,05$). Конвенциональное принуждение коррелирует с мстительностью ($r = 0,272$, $p \leq 0,01$), неуступчивостью ($r = 0,258$, $p \leq 0,01$), обидчивостью ($r = 0,235$, $p \leq 0,05$) и напористостью ($r = 0,205$, $p \leq 0,05$). Нормативный нигилизм демонстрирует связи с обидчивостью ($r = 0,278$, $p \leq 0,01$), мстительностью ($r = 0,227$, $p \leq 0,05$) и неуступчивостью ($r = 0,210$, $p \leq 0,05$).

Суммарная шкала предрасположенности к экстремистскому поведению обнаруживает значимые положительные корреляции с неуступчивостью ($r = 0,358$, $p \leq 0,001$), обидчивостью ($r = 0,333$, $p \leq 0,001$), напористостью ($r = 0,309$, $p \leq 0,01$), мстительностью ($r = 0,281$, $p \leq 0,01$), подозрительностью ($r = 0,216$, $p \leq 0,05$), нетерпимостью к мнению других ($r = 0,198$, $p \leq 0,05$). При этом выявлена отрицательная связь с компромиссностью ($r = -0,306$, $p \leq 0,01$).

Полученные результаты позволяют заключить, что комплекс агрессивных черт личности (напористость, обидчивость, неуступчивость, мстительность, нетерпимость к мнению других и подозрительность) может рассматриваться как значимый предиктор склонности к насильственному экстремизму. Особо следует отметить, что низкая компромиссность выступает универсальным коррелятом большинства экстремистских диспозиций.

Корреляционный анализ с показателями удовлетворенности жизнью показал, что социальный пессимизм имеет отрицательную корреляцию с жизненной включенностью ($r = -0,366$, $p \leq 0,001$) и общим уровнем удовлетворенности жизнью ($r = -0,339$, $p \leq 0,001$), а также положительную связь с разочарованием в жизни ($r = 0,219$, $p \leq 0,05$). Мистичность положительно коррелирует с беспокойством о будущем ($r = 0,211$, $p \leq 0,05$) и отрицательно с общим уровнем удовлетворенности жизнью ($r = -0,204$, $p \leq 0,05$). Деструктивность и цинизм имеют положительную связь с разочарованием в жизни ($r = 0,243$, $p \leq 0,05$), а также отрицательную корреляцию с общим уровнем удовлетворенности жизнью ($r = -0,228$, $p \leq 0,05$). Нормативный нигилизм отрицательно связан с жизненной включенностью ($r = -0,210$, $p \leq 0,05$). Конформизм отрицательно связан с жизненной включенностью ($r = -0,251$, $p \leq 0,05$). Склонность к насильственному экстремизму имеет отрицательную связь с жизненной включенностью ($r = 0,195$, $p \leq 0,05$) и общим уровнем удовлетворенности жизнью ($r = -0,203$, $p \leq 0,05$).

Матрица корреляций диспозиций насильственного экстремизма с параметрами удовлетворенности жизнью

Переменные		Жизненная включенность	Разочарование в жизни	Усталость от жизни	Беспокойство о будущем	Общий уровень удовлетворенности жизнью
Культ силы	r	-0,105	0,088	-0,115	-0,075	-0,049
	p	0,299	0,385	0,254	0,459	0,630
Допустимость агрессии	r	-0,109	0,026	-0,107	0,006	-0,048
	p	0,282	0,801	0,287	0,950	0,637
Интолерантность	r	-0,093	0,036	0,027	-0,033	-0,122
	p	0,360	0,721	0,787	0,747	0,228
Конвенциональное принуждение	r	-0,081	-0,054	-0,047	0,029	0,006
	p	0,422	0,595	0,639	0,775	0,950
Социальный пессимизм	r	-0,366	0,219	0,101	0,083	-0,339
	p	0,000	0,029	0,316	0,412	0,001
Мистичность	r	-0,144	0,079	0,108	0,211	-0,204
	p	0,152	0,435	0,283	0,035	0,042
Деструктивность и цинизм	r	-0,178	0,243	0,117	0,125	-0,228
	p	0,076	0,015	0,245	0,216	0,023
Протестная активность	r	-0,094	0,073	-0,023	0,047	-0,146
	p	0,354	0,468	0,820	0,645	0,148
Нормативный нигилизм	r	-0,210	0,073	-0,074	-0,029	-0,135
	p	0,036	0,471	0,466	0,777	0,182
Антиинтрацепция	r	0,081	-0,068	-0,118	0,080	0,077
	p	0,424	0,504	0,242	0,429	0,445
Конформизм	r	-0,251	-0,057	-0,087	-0,016	-0,087
	p	0,012	0,576	0,389	0,872	0,389
Склонность к насильственному экстремизму	r	-0,195	0,133	-0,028	0,101	-0,203
	p	0,050	0,189	0,784	0,316	0,042

Примечание. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые коэффициенты корреляции ($p \leq 0,05$)

Выявленные в ходе корреляционного анализа связи показывают наличие зависимости между склонностью к насильственному экстремизму и негативно окрашенными мировоззренческими позициями, чувством отчуждения от общества, недовольством собственной жизнью и тревогой за будущее, из чего следует, что подобное восприятие окружающего мира может служить потенциальным детерминантом экстремистского поведения.

По результатам корреляционного анализа диспозиций насильственного экстремизма с видами и компонентами толерантности мы видим, что по подавляющему большинству показателей имеются статистически значимые связи (см. табл. 7). Более того, общий показатель склонности к насильственному экстремизму демонстрирует значимую отрицательную связь практически со всеми шкалами: межпоколенным ($r = -0,316$, $p \leq 0,001$), гендерным ($r = -0,335$, $p \leq 0,001$), межличностным ($r = -0,371$, $p \leq 0,001$), межэтническим ($r = -0,186$, $p \leq 0,05$), межконфессиональным ($r = -0,318$, $p \leq 0,001$), профессиональным ($r = -0,402$, $p \leq 0,001$), управленческим ($r = -0,353$,

$p \leq 0,001$), социально-экономическим ($r = -0,310$, $p \leq 0,01$), политическим ($r = -0,238$, $p \leq 0,01$) видами толерантности, а также аффективным ($r = -0,396$, $p \leq 0,001$), когнитивным ($r = -0,302$, $p \leq 0,01$), конативным ($r = -0,372$, $p \leq 0,001$), потребностно-мотивационным ($r = -0,284$, $p \leq 0,01$), деятельностно-стилевым ($r = -0,324$, $p \leq 0,001$), этико-нормативным ($r = -0,293$, $p \leq 0,01$), ценностно-ориентационным ($r = -0,409$, $p \leq 0,001$), личностно-смысловым ($r = -0,355$, $p \leq 0,001$), идентификационно-групповым ($r = -0,182$, $p \leq 0,05$) и идентификационно-личностным компонентами толерантности ($r = -0,280$, $p \leq 0,01$).

Таблица 7

Матрица корреляций диспозиций насильственного экстремизма с видами и компонентами толерантности

Переменные		Культ силы	Допустимость агрессии	Интолерантность	Социальный пессимизм	Мистичность	Деструктивность и цинизм	Нормативный нигилизм	Конформизм	Склонность к насильственному экстремизму
Межпоколенная толерантность	r	-0,174	-0,351	-0,239	-0,223	-0,150	-0,086	-0,300	-0,227	-0,316
	p	0,084	0,000	0,017	0,026	0,136	0,395	0,002	0,023	0,001
Гендерная толерантность	r	-0,213	-0,381	-0,328	-0,376	-0,122	-0,210	-0,257	-0,174	-0,335
	p	0,033	0,000	0,001	0,000	0,227	0,036	0,010	0,083	0,001
Межличностная толерантность	r	-0,214	-0,236	-0,270	-0,309	-0,218	-0,152	-0,373	-0,120	-0,371
	p	0,033	0,018	0,006	0,002	0,030	0,131	0,000	0,233	0,000
Межэтническая толерантность	r	-0,073	-0,219	-0,281	-0,220	-0,010	-0,035	-0,327	-0,078	-0,186
	p	0,473	0,029	0,005	0,028	0,921	0,728	0,001	0,442	0,048
Межкультурная толерантность	r	-0,105	-0,172	-0,276	-0,217	-0,089	-0,014	-0,245	-0,101	-0,155
	p	0,300	0,087	0,006	0,030	0,378	0,888	0,014	0,318	0,124
Межконфессиональная толерантность	r	-0,109	-0,125	-0,455	-0,198	-0,195	-0,084	-0,277	-0,152	-0,318
	p	0,278	0,216	0,000	0,048	0,052	0,407	0,005	0,131	0,001
Профессиональная толерантность	r	-0,173	-0,251	-0,252	-0,278	-0,376	-0,083	-0,426	-0,213	-0,402
	p	0,086	0,012	0,012	0,005	0,000	0,411	0,000	0,033	0,000
Управленческая толерантность	r	-0,239	-0,228	-0,326	-0,321	-0,226	-0,113	-0,413	-0,185	-0,353
	p	0,016	0,022	0,001	0,001	0,024	0,265	0,000	0,065	0,000
Социально-экономическая толерантность	r	-0,176	-0,190	-0,171	-0,339	-0,232	-0,102	-0,407	-0,189	-0,310
	p	0,080	0,058	0,089	0,001	0,020	0,312	0,000	0,059	0,002
Политическая толерантность	r	-0,043	-0,095	-0,232	-0,329	-0,239	-0,036	-0,254	-0,150	-0,238
	p	0,671	0,349	0,020	0,001	0,016	0,720	0,011	0,136	0,017
Аффективный компонент	r	-0,195	-0,258	-0,268	-0,290	-0,272	-0,125	-0,430	-0,297	-0,396
	p	0,051	0,009	0,007	0,003	0,006	0,217	0,000	0,003	0,000
Когнитивный компонент	r	-0,236	-0,210	-0,246	-0,310	-0,239	-0,059	-0,446	-0,126	-0,302
	p	0,018	0,036	0,014	0,002	0,016	0,562	0,000	0,212	0,002
Конативный компонент	r	-0,234	-0,367	-0,236	-0,313	-0,248	-0,206	-0,301	-0,252	-0,372
	p	0,019	0,000	0,018	0,002	0,013	0,040	0,002	0,012	0,000
Потребностно-мотивационный компонент	r	-0,127	-0,221	-0,182	-0,264	-0,115	-0,123	-0,355	-0,138	-0,284
	p	0,209	0,027	0,070	0,008	0,254	0,224	0,000	0,171	0,004

Окончание табл. 7

Переменные		Культ силы	Допустимость агрессии	Интолерантность	Социальный пессимизм	Мистичность	Деструктивность и цинизм	Нормативный нигилизм	Конформизм	Склонность к насильственному экстремизму
Деятельностно-стилевой компонент	r	-0,218	-0,160	-0,465	-0,227	-0,151	-0,036	-0,356	-0,121	-0,324
	p	0,030	0,111	0,000	0,023	0,133	0,720	0,000	0,229	0,001
Этико-нормативный компонент	r	-0,171	-0,203	-0,230	-0,332	-0,214	-0,060	-0,419	-0,147	-0,293
	p	0,090	0,043	0,022	0,001	0,032	0,552	0,000	0,144	0,003
Ценностно-ориентационный компонент	r	-0,093	-0,295	-0,386	-0,329	-0,255	-0,326	-0,260	-0,267	-0,409
	p	0,357	0,003	0,000	0,001	0,010	0,001	0,009	0,007	0,000
Личностно-смысловой компонент	r	-0,205	-0,274	-0,305	-0,330	-0,209	-0,110	-0,436	-0,190	-0,355
	p	0,041	0,006	0,002	0,001	0,037	0,278	0,000	0,058	0,000
Идентификационно-групповой компонент	r	-0,199	-0,263	-0,336	-0,123	0,048	-0,023	-0,138	-0,042	-0,182
	p	0,047	0,008	0,001	0,224	0,632	0,819	0,171	0,677	0,050
Идентификационно-личностный компонент	r	-0,122	-0,201	-0,152	-0,345	-0,235	-0,018	-0,370	-0,129	-0,280
	p	0,225	0,044	0,131	0,000	0,018	0,862	0,000	0,201	0,005
Общий уровень толерантности	r	-0,213	-0,284	-0,337	-0,314	-0,209	-0,058	-0,458	-0,182	-0,371
	p	0,034	0,004	0,001	0,001	0,036	0,570	0,000	0,070	0,000

Примечание. Полу жирным шрифтом выделены статистически значимые коэффициенты корреляции ($p \leq 0,05$)

Кроме того, так как все виды и компоненты толерантности демонстрируют сопоставимые по силе и значимости корреляции, они были нами объединены в единую шкалу толерантности, которая также ожидаемо показала статистически значимую отрицательную связь со склонностью к насильственному экстремизму ($r = -0,371$ $p \leq 0,001$).

Полученные результаты говорят о том, что комплексная интолерантность, включающая различные виды и компоненты, нетерпимость личности, является одним из главных движущих факторов радикализации личности, проявления у индивида склонности к насильственным экстремистским идеям и действиям.

Также обнаружены статистически достоверные отрицательные корреляции с базисными убеждениями личности (см. табл. 8). Допустимость агрессии связана с убежденностью в удаче и везении ($r = -0,240$, $p \leq 0,05$). Интолерантность связана с убежденностью о ценности и значимости собственного «Я» ($r = -0,204$, $p \leq 0,05$). Социальный пессимизм коррелирует с убежденностью о справедливости мира ($r = -0,393$, $p \leq 0,001$), убеждением о ценности и значимости собственного «Я» ($r = -0,352$, $p \leq 0,001$), убежденностью в удаче и везении ($r = -0,397$, $p \leq 0,001$), а также убеждением

о контроле событий, происходящих с ними ($r = -0,262$, $p \leq 0,01$). Мистичность имеет связь с убеждением о доброжелательности окружающего мира ($r = -0,296$, $p \leq 0,01$) и убежденностью в удаче и везении ($r = -0,246$, $p \leq 0,05$).

Таблица 8

Матрица корреляций диспозиций насильственного экстремизма с базисными убеждениями личности

Переменные		Доброжелательность окружающего мира	Справедливость	Образ Я	Удача	Убеждения о контроле
Культ силы	r	-0,007	-0,128	-0,124	0,024	0,055
	p	0,945	0,204	0,218	0,810	0,587
Допустимость агрессии	r	0,053	-0,161	-0,108	-0,240	-0,058
	p	0,602	0,109	0,284	0,016	0,566
Интолерантность	r	-0,101	-0,036	-0,204	-0,105	-0,077
	p	0,317	0,719	0,042	0,297	0,445
Конвенциональное	r	-0,102	-0,137	-0,034	-0,055	0,009
	p	0,314	0,175	0,738	0,588	0,933
Социальный пессимизм	r	-0,179	-0,393	-0,352	-0,397	-0,262
	p	0,075	0,000	0,000	0,000	0,008
Мистичность	r	-0,296	-0,097	-0,120	-0,246	-0,155
	p	0,003	0,338	0,234	0,014	0,123
Деструктивность и цинизм	r	-0,159	-0,189	-0,234	-0,230	-0,169
	p	0,115	0,060	0,019	0,021	0,093
Протестная активность	r	-0,204	-0,129	-0,082	-0,264	-0,175
	p	0,042	0,201	0,418	0,008	0,082
Нормативный нигилизм	r	-0,116	-0,205	-0,268	-0,210	-0,196
	p	0,250	0,041	0,007	0,036	0,050
Антиинтрацепция	r	-0,051	0,056	0,071	-0,015	-0,001
	p	0,616	0,583	0,483	0,883	0,990
Конформизм	r	-0,108	-0,269	-0,134	-0,339	-0,201
	p	0,284	0,007	0,183	0,001	0,045
Склонность к насильственному экстремизму	r	-0,154	-0,197	-0,224	-0,288	-0,158
	p	0,127	0,049	0,025	0,004	0,117

Примечание. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые коэффициенты корреляции ($p \leq 0,05$)

Деструктивность и цинизм коррелируют с убеждением о ценности и значимости собственного «Я» ($r = -0,234$, $p \leq 0,05$) и убежденностью в удаче и везении ($r = -0,230$, $p \leq 0,05$). Протестная активность также связана с убеждением о доброжелательности окружающего мира ($r = -0,204$, $p \leq 0,05$) и убежденностью в удаче и везении ($r = -0,264$, $p \leq 0,01$). Нормативный нигилизм демонстрирует отрицательную связь с убежденностью о справедливости мира ($r = -0,205$, $p \leq 0,05$), убеждением о ценности и значимости собственного «Я» ($r = -0,268$, $p \leq 0,01$), убежденностью в удаче и везении ($r = -0,210$, $p \leq 0,05$), о контроле событий, происходящих с ними ($r = -0,196$, $p \leq 0,05$). Конформизм коррелирует с убежденностью о справедливости мира ($r = -0,296$, $p \leq 0,01$), в удаче и везении ($r = -0,339$, $p \leq 0,001$), а также о контроле происходящих с ними событий ($r = -0,201$, $p \leq 0,05$)

Общий показатель склонности к насильственному экстремизму связан с убеждением о справедливости мира ($r = -0,197$, $p \leq 0,05$), ценности и значимости собственного «Я» ($r = -0,224$, $p \leq 0,05$), а также убежденностью в удаче и везении ($r = -0,288$, $p \leq 0,01$).

В целом результаты анализа показали наличие статистически достоверной связи между показателями склонности к насильственному экстремизму и ключевыми базисными убеждениями личности, позволяя тем самым утверждать, что молодые люди со склонностью к насильственному экстремизму характеризуются более низким уровнем оптимистичных и позитивных убеждений относительно окружающего мира и собственного места в нем. Такие индивиды склонны видеть мир как менее доброжелательный и справедливый, ощущать меньшую ценность и значимость своего «Я», реже верить в удачу и везение, а также чувствовать себя менее способными контролировать происходящие с ними события, что может указывать на наличие у них чувства беспомощности, пессимизма и недовольства как своим личным положением, так и общественным устройством в целом. Подобные внутренние установки могут способствовать формированию и усилению экстремистских взглядов как способа выражения протеста или попытки изменить воспринимаемую как несправедливую реальность (Сияева, Яремчук, 2019).

Полученные результаты подтверждают значимость базисных убеждений личности в формировании склонности к экстремистским взглядам и поведению, а также важность коррекции данных убеждений в профилактике экстремистских настроений.

По результатам корреляционного анализа диспозиций насильственного экстремизма с компонентами этнической идентичности (см. табл. 9) выявлено, что интолерантность отрицательно коррелирует с этнической толерантностью ($r = -0,305$, $p \leq 0,001$). Социальный пессимизм связан с когнитивным ($r = -0,280$, $p \leq 0,01$), аффективным ($r = -0,327$, $p \leq 0,001$) и поведенческими компонентами этнической идентичности ($r = -0,268$, $p \leq 0,01$). Нормативный нигилизм коррелирует с когнитивным ($r = -0,249$, $p \leq 0,001$), аффективным ($r = -0,342$, $p \leq 0,001$) и поведенческими компонентами этнической идентичности ($r = -0,370$, $p \leq 0,001$). Склонность к насильственному экстремизму связана с когнитивным ($r = -0,222$, $p \leq 0,01$) и поведенческими компонентами этнической идентичности ($r = -0,177$, $p \leq 0,05$).

Полученные данные свидетельствуют, что этническая идентичность (когнитивная, аффективная и поведенческая) менее выражены у лиц, склонных к экстремистским проявлениям, что говорит о наличии у них проблем в осознании и принятии собственной и чужой этнической идентичности, а также указывает на важность развития этнической толерантности и позитивной идентификации с собственной культурой в целях профилактики экстремизма среди молодежи.

В случае с копинг-стратегиями (см. табл. 10) наибольшее количество связей с диспозициями насильственного экстремизма отмечается у копинга, ориентированного на эмоции, который имеет положительные связи

конвенциональным принуждением ($r = 0,248$, $p \leq 0,05$), социальным пессимизмом ($r = 0,261$, $p \leq 0,01$), мистичностью ($r = 0,356$, $p \leq 0,001$), деструктивностью и цинизмом ($r = 0,248$, $p \leq 0,05$), а также общим уровнем склонности к насильственному экстремизму ($r = 0,185$, $p \leq 0,05$).

Таблица 9

Матрица корреляций диспозиций насильственного экстремизма с компонентами этнической идентичности

Переменные		Этническая толерантность	Когнитивный компонент этнической идентичности	Аффективный компонент этнической идентичности	Поведенческий компонент этнической идентичности
Культ силы	r	-0,086	-0,172	-0,054	-0,087
	p	0,397	0,087	0,593	0,391
Допустимость агрессии	r	-0,179	-0,165	-0,081	-0,116
	p	0,075	0,102	0,422	0,249
Интолерантность	r	-0,248	-0,138	-0,060	-0,008
	p	0,013	0,171	0,553	0,934
Конвенциональное	r	0,069	0,000	0,044	-0,019
	p	0,494	0,996	0,663	0,850
Социальный пессимизм	r	-0,019	-0,280	-0,327	-0,268
	p	0,851	0,005	0,001	0,007
Мистичность	r	-0,036	-0,087	-0,127	-0,069
	p	0,723	0,387	0,207	0,493
Деструктивность и цинизм	r	-0,156	-0,093	-0,055	-0,086
	p	0,122	0,356	0,590	0,392
Протестная активность	r	0,059	-0,103	-0,065	-0,142
	p	0,558	0,306	0,519	0,159
Нормативный нигилизм	r	-0,066	-0,349	-0,342	-0,370
	p	0,512	0,000	0,000	0,000
Антиинтрацепция	r	0,064	0,068	0,067	0,106
	p	0,528	0,502	0,506	0,295
Конформизм	r	-0,080	-0,117	-0,040	-0,121
	p	0,426	0,246	0,693	0,229
Склонность к насильственному экстремизму	r	-0,141	-0,222	-0,123	-0,177
	p	0,161	0,026	0,223	0,047

Примечание. Полу жирным шрифтом выделены статистически значимые коэффициенты корреляции ($p \leq 0,05$)

В свою очередь, у копинга, ориентированного на процесс, отмечаются отрицательные связи с социальным пессимизмом ($r = -0,227$, $p \leq 0,05$), нормативным нигилизмом ($r = 0,331$, $p \leq 0,001$) и антиинтрацепцией ($r = -0,222$, $p \leq 0,05$). Копинг, ориентированный на избегание, имеет положительную связь с конвенциональным принуждением ($r = 0,220$, $p \leq 0,05$). Копинг, связанный с отвлечением, также связан с конвенциональным принуждением ($r = 0,200$, $p \leq 0,05$), а копинг, ориентированный на социальное отвлечение, помимо положительной связи с конвенциональным принуждением ($r = 0,219$, $p \leq 0,05$), также имеет отрицательные связи с социальным пессимизмом ($r = -0,227$, $p \leq 0,05$).

симизмом ($r = -0,249$, $p \leq 0,05$) и нормативным нигилизмом ($r = -0,233$, $p \leq 0,05$).

Таблица 10

Матрица корреляций диспозиций насильственного экстремизма с используемыми в стрессовых ситуациях копинг-стратегиями

Переменные		КОП	КОЭ	КОИ	Отвлечение	СО
Культ силы	r	-0,042	0,047	0,080	0,107	-0,032
	p	0,679	0,642	0,426	0,290	0,749
Допустимость агрессии	r	-0,142	0,100	0,088	0,129	-0,087
	p	0,158	0,321	0,382	0,201	0,390
Интолерантность	r	-0,173	0,035	-0,088	-0,088	-0,064
	p	0,086	0,727	0,382	0,385	0,526
Конвенциональное принуждение	r	0,177	0,248	0,220	0,200	0,219
	p	0,078	0,013	0,028	0,046	0,029
Социальный пессимизм	r	-0,227	0,261	-0,098	-0,025	-0,249
	p	0,023	0,009	0,331	0,806	0,012
Мистичность	r	-0,137	0,356	0,024	0,059	-0,037
	p	0,174	0,000	0,814	0,561	0,714
Деструктивность и цинизм	r	-0,023	0,248	0,035	0,076	-0,076
	p	0,818	0,013	0,729	0,451	0,454
Протестная активность	r	-0,062	0,067	0,031	0,058	-0,055
	p	0,539	0,505	0,762	0,569	0,588
Нормативный нигилизм	r	-0,331	0,048	-0,139	-0,120	-0,233
	p	0,001	0,637	0,167	0,233	0,020
Антиинтрацепция	r	-0,222	-0,143	-0,015	0,050	-0,012
	p	0,027	0,156	0,886	0,620	0,909
Конформизм	r	-0,050	0,103	0,050	0,070	-0,054
	p	0,618	0,310	0,622	0,490	0,591
Склонность к насильственному экстремизму	r	-0,151	0,185	0,033	0,073	-0,112
	p	0,134	0,045	0,744	0,470	0,267

Примечание. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые коэффициенты корреляции ($p \leq 0,05$)

Отрицательные связи диспозиций насильственного экстремизма с копингом, ориентированным на решение задачи, свидетельствуют, что молодые люди, склонные к насильственному экстремизму, реже используют активные и конструктивные способы решения проблем. Вместе с тем недостаток навыков эффективного копинга и, как следствие, невозможность адекватно справляться со стрессовыми ситуациями могут усиливать экстремистские настроения.

В то же время положительные связи конвенционального принуждения с копингами, ориентированными на эмоции, избегание и отвлечение, говорят об использовании лицами с высокими значениями по данной диспозиции менее адаптивных стратегий преодоления стресса, таким как избегание проблем или фокусировка на собственных эмоциях без попыток решить возникшую проблему. Данное обстоятельство, в свою очередь, может усиливать чувство беспомощности и недовольства, способствуя укреплению

экстремистских убеждений как средства компенсации за невозможность контролировать ситуацию (Maier, Seligman, 1976).

В целом у лиц с выраженной склонностью к насильственному экстремизму могут быть ограничены адаптивные стратегии копинга, что делает их более уязвимыми к стрессу и способствует развитию экстремистских убеждений как способа реагирования на вызовы окружающей среды. Поэтому для успешной профилактической работы с молодежью крайне важно обращать внимание на развитие навыков эффективного копинга, укрепление способности адекватно реагировать на стресс и решать возникающие проблемы без прибегания к радикализму.

Также были выявлены статистически значимые корреляции с типами коммуникативных умений (см. табл. 11). Обнаружена отрицательная связь компетентного типа с социальным пессимизмом ($r = -0,303$, $p \leq 0,01$), нормативным нигилизмом ($r = -0,287$, $p \leq 0,01$) и склонностью к насильственному экстремизму ($r = -0,201$, $p \leq 0,05$).

Таблица 11

Матрица корреляций диспозиций насильственного экстремизма с типами коммуникативных умений

Переменные		Зависимые	Компетентные	Агрессивные
Культ силы	r	0,037	-0,190	0,289
	p	0,716	0,058	0,004
Допустимость агрессии	r	-0,087	-0,134	0,307
	p	0,390	0,185	0,002
Интолерантность	r	0,095	-0,183	0,147
	p	0,346	0,069	0,145
Конвенциональное принуждение	r	-0,174	0,134	0,061
	p	0,083	0,185	0,547
Социальный пессимизм	r	0,122	-0,303	0,302
	p	0,228	0,002	0,002
Мистичность	r	-0,062	-0,119	0,237
	p	0,542	0,240	0,018
Деструктивность и цинизм	r	-0,084	-0,115	0,200
	p	0,408	0,253	0,046
Протестная активность	r	-0,179	0,037	0,176
	p	0,075	0,717	0,080
Нормативный нигилизм	r	-0,039	-0,287	0,399
	p	0,697	0,004	0,000
Антиинтрацепция	r	0,141	0,076	-0,102
	p	0,162	0,452	0,210
Конформизм	r	-0,005	-0,171	0,203
	p	0,957	0,089	0,043
Склонность к насильственному экстремизму	r	-0,023	-0,201	0,326
	p	0,824	0,045	0,001

Примечание. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые коэффициенты корреляции ($p \leq 0,05$)

Агрессивный тип общения, напротив, имеет положительную связь с культом силы ($r = 0,289$, $p \leq 0,01$), допустимостью агрессии ($r = 0,307$, $p \leq 0,01$), социальным пессимизмом ($r = 0,302$, $p \leq 0,01$), мистичностью ($r = 0,237$, $p \leq 0,05$), деструктивностью и цинизмом ($r = 0,200$, $p \leq 0,05$), нормативным нигилизмом ($r = 0,399$, $p \leq 0,001$), конформизмом ($r = 0,203$, $p \leq 0,05$) и общей склонностью к насильственному экстремизму ($r = 0,326$, $p \leq 0,001$).

Исходя из выявленных связей, можно сделать вывод, что агрессивный стиль общения характеризуется применением доминирования, критики, отрицания чужой точки зрения и конфронтацией, что не только усугубляет конфликты, но и способствует развитию неприятия и интолерантности к разнообразию мнений и культур. Такой стиль общения может служить катализатором для формирования идентичности, основанной на противостоянии и агрессии в отношении тех, кто воспринимается как «другой» или «враг», укрепляя экстремистские взгляды и поведение как механизм самоутверждения и защиты своих взглядов.

В контексте групповой динамики агрессивное общение может способствовать созданию и укреплению радикальных групп, где подобные стили взаимодействия воспринимаются как норма. Это, в свою очередь, может привести к эскалации агрессии и насилия, поскольку групповая солидарность и одобрение агрессивных действий усиливают готовность к экстремистским акциям. Таким образом, высокий уровень агрессивных коммуникативных умений не только негативно влияет на индивидуальное поведение, но и может оказывать деструктивное воздействие на социальную среду, способствуя распространению экстремистских идеологий и практик.

В то же время эффективные коммуникативные навыки способствуют лучшему пониманию и принятию различий, а также умению находить общий язык с другими, что снижает потребность в прибегании к агрессии или экстремизму как средству выражения своих взглядов или решения проблем.

Обобщая сказанное, можно заключить, что стиль общения является значимым фактором, влияющим на склонность к экстремизму, где конструктивное общение действует как фактор защиты, а агрессивное – как фактор риска усиления экстремистских настроений.

В результате проведенного корреляционного анализа нами было обнаружено достаточно большое количество переменных, имеющих как прямую, так и обратную связь с хотя бы одной диспозицией насильственного экстремизма. В связи с этим мы путем суммирования объединили смежные шкалы в рамках одной методики. Так, были объединены все шкалы методики Е.П. Ильина «Личностная агрессивность и конфликтность», а также методики Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности–интолерантности». В итоге был проведен корреляционный анализ для двух новых переменных: «Личностная агрессивность и конфликтность», «Виды и компоненты толерантности». Кроме того, необходимо отметить, что на данном этапе все диспозиции насильственного экстремизма также представлены нами как единая шкала склонности к насильственному экстремизму. Результаты анализа представлены на рис. 1.

Рис. 1. Корреляционная плеяда «Связь склонности к насильственному экстремизму с социально-психологическими характеристиками студенческой молодежи.

* $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$

Как видно на рис. 1, в результате проведенного анализа были обнаружены достаточно значимые корреляционные связи исследованных показателей. Так, на склонность личности к насильственному экстремизму оказывают прямое стимулирующее влияние агрессивность как личностная характеристика ($r = 0,371$, $p \leq 0,001$), использование в стрессовых ситуациях копинга, ориентированного на эмоции ($r = 0,185$, $p \leq 0,05$), а также предпочтение агрессивного стиля в общении ($r = 0,326$, $p \leq 0,001$). С другой стороны, были обнаружены отрицательные корреляционные связи с удовлетворенностью жизнью ($r = -0,203$, $p \leq 0,05$), видами и компонентами толерантности ($r = -0,371$, $p \leq 0,001$), компетентными коммуникативными умениями ($r = -0,201$, $p \leq 0,05$), когнитивной ($r = -0,222$, $p \leq 0,05$) и поведенческой ($r = -0,177$, $p \leq 0,05$) формами этнической идентичности, а также базисными убеждениями личности – убеждением о доброжелательности и справедливости окружающего мира ($r = -0,197$, $p \leq 0,05$), об удаче и везении ($r = -0,288$, $p \leq 0,01$), ценности и значимости собственного «Я» ($r = -0,224$, $p \leq 0,05$).

Из вышесказанного следует, что чем выше уровень личностной агрессивности и предпочтение агрессивного стиля общения, тем больше проявляется склонность к экстремистским взглядам и поведению у студенческой молодежи. В то же время чувство удовлетворенности жизнью и развитие толерантного отношения к другим людям и национальностям, позитивной идентификации с собственной культурой, а также компетентных коммуникативных навыков могут снижать вероятность прибегания к экстремистским методам. Кроме того, способность конструктивно справляться со стрессом также снижает риск радикализации.

Таким образом, обнаруженные связи подчеркивают сложность феномена экстремизма и указывают на множество социально-психологических детерминант, которые могут влиять на его проявление. Все это помогает определить правильный вектор для разработки профилактических мер и программ, направленных на снижение риска экстремистского поведения среди молодежи.

Заключение

Проведенное исследование социально-психологических детерминант склонности к насильственному экстремизму среди студенческой молодежи позволило выявить ряд значимых факторов, влияющих на формирование диспозиций насильственного экстремизма. Полученные эмпирические данные свидетельствуют, что повышенный уровень личностной агрессивности, предпочтение агрессивных коммуникативных стратегий и использование неадаптивных механизмов совладания коррелируют с повышенной склонностью к насильственному экстремизму. В то же время высокий уровень удовлетворенности жизнью, высокий уровень толерантности, позитивная этническая идентичность и сформированные коммуникативные компетенции, напротив, снижают вероятность формирования экстремистских установок личности.

Выявленные корреляционные связи указывают на необходимость имплементации комплексного подхода к профилактике экстремизма, включающего меры по развитию межкультурной толерантности, повышению качества жизни молодежи, формированию адаптивных копинг-стратегий и совершенствованию коммуникативных навыков. Такой интегративный подход потенциально способен не только снизить риск радикализации, но и оптимизировать процессы социальной адаптации и психологического благополучия студенческой молодежи, что представляется существенным шагом в направлении противодействия экстремизму на социально-психологическом уровне.

Полученные результаты открывают перспективы для дальнейших исследований в области предотвращения экстремизма и могут служить эмпирической основой для разработки эффективных программ профилактики, направленных на снижение уровня радикализации в молодежной среде.

Литература

- Буданов, С. А., Колесников, Р. В. (2022). Молодежный экстремизм: особенности структуры личности преступника. *Вестник Воронежского института МВД России*, 1, 139–145.
- Верещагина, М. В. (2010). *Этническая идентичность и этническая толерантность русских и осетинских студентов: дис. ... канд. психол. наук*. Владикавказ.
- Давыдов, Д. Г., Хломов, К. Д. (2017). Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма. *Психологическая диагностика*, 14(1), 78–97.

- Колмогорова, Л. А. (2015). *Формирование коммуникативной компетентности личности*. Барнаул: Алт. гос. пед. ун-т.
- Крюкова, Т. Л. (2007). *Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы*. Кострома: Авантитул.
- Кузнецова, А. С., Хавыло, А. В. (2021). Психологические детерминанты отношения молодежи к экстремистской деятельности. *Психология и право*, 11(3), 33–46. doi: 10.17759/psylaw.2021110303
- Мельникова, Н. Н. (2004). *Диагностика социально-психологической адаптации личности: учеб. пособие*. Челябинск: Изд-во Южно-Урал. гос. ун-та.
- Падун, М. А., Котельникова, А. В. (2012). *Психическая травма и картина мира: теория, эмпирия, практика*. М.: Ин-т психологии РАН. (Перспективы психологии).
- Почебут, Л. Г. (2018). *Кросс-культурная и этническая психология*. (2-е изд., испр. и доп.). М.: Юрайт. (Бакалавр и магистр. Академический курс).
- Сапожников, А. В. (2023). В России на 160% за год выросло число экстремистских преступлений. *Коммерсантъ*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5861839>
- Сериков, А. В. (2020). Радикализм и экстремизм в российской молодежной среде в контексте избыточных социальных неравенств. *Гуманитарий Юга России*, 6, 68–79.
- Ситяева, С. М., Яремчук, С. В. (2019). *Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи*. Комсомольск н/А: Амур. гуман.-пед. гос. ун-т.
- Собкин, В. С., Мкртычян, А. А. (2013). Роль социокультурных факторов в формировании отношения к экстремизму среди школьников Москвы и Риги. *Национальный психологический журнал*, 2(10), 32–40. doi: 10.11621/nprj.2013.0204
- Тупикова, В. А., Гудкова, Я. А., Овчинников-Лысенко, Е. Г. (2023). Эмпатия студентов в контексте риска экстремизма. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология*, 23(3), 579–589. doi: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-579-589
- Шипова, Л.В. (2016). Методы психологической диагностики агрессии и агрессивности школьников. Саратов. URL: http://elibrary.sgu.ru/uch_lit/1647.pdf

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

*Поступила в редакцию 23.04.2024 г.; повторно 11.11.2024 г.;
принята 23.01.2025 г.*

Маджуга Анатолий Геннадьевич – заведующий кафедрой педагогики, психологии и здоровьесбережения Института развития образования Республики Башкортостан, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: madzhuga.anatolij@inbox.ru

Саидов Асланбек Арбиевич – старший преподаватель кафедры психологии Чеченского государственного педагогического университета.

E-mail: aslsaidov@gmail.com

For citation: Madzhuga, A. G., Saidov, A. A. (2025). The System of Socio-Psychological Determinants Influencing the Emergence of Propensity to Violent Extremism Among Students. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 95, 96–120. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/95/6

The System of Socio-Psychological Determinants Influencing the Emergence of Propensity to Violent Extremism Among Students

A.G. Madzhuga¹, A.A. Saidov²

¹ Institute for Educational Development of the Republic of Bashkortostan, 120, Mingazheva Str., Ufa, 450005, Russian Federation

² Chechen State Pedagogical University, 33, Subry Kishieva Str., Grozny, 364037, Russian Federation

Abstract

The problem of violent extremism remains relevant for modern society, posing a serious threat to its stability and security. A significant social danger is the involvement of young people, including students, in extremist movements. In this regard, the purpose of the study was to study the socio-psychological determinants that influence the tendency to violent extremism among students. The study involved 100 1st-2nd year students of the Chechen State Pedagogical University, aged 17 to 23 years. The following methods were used as diagnostic tools: "Diagnostics of dispositions of violent extremism" (D.G. Davydov, K.D. Khlomov), "Personal aggressiveness and conflict" (E.P. Ilyin), "Life satisfaction" (N.N. Melnikova), "Types and components of tolerance-intolerance" (G.L. Bardier), "Basic Beliefs Scale" (R. Yanoff-Bulman), "Structure of Ethnic Identity" (M.V. Vereshchagina), "Coping Behavior" in stressful situations CISS" (S. Norman, D.F. Endler, D.A. James, M.I. Parker), "Communication skills" (L. Michelson). Empirical results showed that the majority of students have an average level of severity of dispositions of violent extremism, however, a certain proportion of respondents (39%) demonstrate high values for at least one indicator, and 7% of respondents are characterized by high indicators for 3 or more dispositions, which classifies them as a "risk group". Particular attention was paid to studying the influence of personal aggressiveness, life satisfaction and tolerance on the tendency of students to violent extremism. In the course of correlation analysis according to Ch. Spearman, significant connections were identified between high aggressiveness, low levels of life satisfaction and low levels of tolerance with a predisposition to extremism. Based on the results of the correlation analysis, the main socio-psychological determinants of an individual's propensity to violent extremism were identified: aggressiveness as a personal characteristic, dissatisfaction with life, intolerance, the use of maladaptive coping strategies in stressful situations, destructive basic beliefs, problems in understanding and accepting one's own and others' ethnic identity, preference for aggressive communication skills. Based on the results obtained, it was concluded that it is necessary to develop and implement programs for psychological and pedagogical support and social adaptation of student youth, which will effectively counter the spread of extremist tendencies among young people and minimize the risks of their involvement in extremist activities.

Keywords: extremism; student youth; socio-psychological determinants; aggressiveness; dissatisfaction with life; intolerance, coping strategies; basic beliefs; ethnic identity; communication skills

References

- Agnew, R. (2010). A General Strain Theory of Terrorism. *Theoretical Criminology*, 14, 131–153.
- Borum, R. (2014). Psychological Vulnerabilities and Propensities for Involvement in Violent Extremism. *Behavioral Sciences & the Law*, 32, 286–305. doi: 10.1002/bsl.2110
- Borum, R. (2015). Assessing Risk for Terrorism Involvement. *Journal of Threat Assessment and Management*, 2(2), 63–87.

- Budanov, S. A., & Kolesnikov, R. V. (2022). Molodezhnyy ekstremizm: osobennosti struktury lichnosti prestupnika [Youth extremism: features of the criminal's personality structure]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 1, 139–145.
- Davydov, D. G., & Khlomov, K. D. (2017). Metodika diagnostiki dispozitsiy nasil'stvennogo ekstremizma [Methodology for diagnosing dispositions of violent extremism]. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 14(1), 78–97.
- Elzesser, A. (2023). Propensity to Extremism in the Context of Socio-Psychological Maladjustment. *Psikhologicheskii zhurnal*. doi: 10.31857/s020595920026155-6
- Harpviken, A. (2020). Psychological Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Literature Review. *Adolescent Research Review*, 5, 1–26. doi: 10.1007/S40894-019-00108-Y
- Kharroub, T. (2015). *Understanding Violent Extremism: The Social Psychology of Identity and Group Dynamics*. Arab Center Washington DC. Retrieved from <https://arabcenterdc.org/resource/understanding-violent-extremism-the-social-psychology-of-identity-and-group-dynamics>
- Kolmogorova, L. A. (2015). *Formirovanie kommunikativnoy kompetentnosti lichnosti* [Formation of communicative competence of an individual]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.
- Kruglanski, A., Fernandez, J., Factor, A., & Szumowska, E. (2019). Cognitive mechanisms in violent extremism. *Cognition*, 188, 116–123. doi: 10.1016/j.cognition.2018.11.008
- Kryukova, T. L. (2007). *Metody izucheniya sovladayushchego povedeniya: tri koping-shkaly* [Methods for studying coping behavior: three coping scales]. Kostroma: Avantitil.
- Kuznetsova, A. S., & Khavylo, A. V. (2021). Psikhologicheskie determinanty otnosheniya molodezhi k ekstremistskoy deyatelnosti [Psychological determinants of young people's attitudes toward extremist activities]. *Psikhologiya i pravo*, 11(3), 33–46. doi: 10.17759/psylaw.2021110303
- Maier, S. F., & Seligman, M. E. (1976). Learned helplessness: Theory and evidence. *Journal of Experimental Psychology: General*, 105(1), 3–46. doi: 10.1037/0096-3445.105.1.3
- Melnikova, N. N. (2004). *Diagnostika sotsial'no-psikhologicheskoy adaptatsii lichnosti* [Diagnostics of social and psychological adaptation of the individual]. Chelyabinsk: South Ural State University.
- Nivette, A., Eisner, M., & Ribeaud, D. (2017). Developmental Predictors of Violent Extremist Attitudes: A Test of General Strain Theory. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 54(6), 755–790.
- Padun, M. A., & Kotelnikova, A. V. (2012). *Psikhicheskaya travma i kartina mira: teoriya, empiriya, praktika* [Mental trauma and picture of the world: theory, empiricism, practice]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.
- Pauwels, L., & Schils, N. (2016). Differential Online Exposure to Extremist Content and Political Violence: Testing the Relative Strength of Social Learning and Competing Perspectives. *Terrorism and Political Violence*, 28, 1–29. doi: 10.1080/09546553.2013.876414
- Pochebut, L. G. (2018). *Kross-kul'turnaya i etnicheskaya psikhologiya* [Cross-cultural and Ethnic Psychology] (2nd ed.). Moscow: Yurayt.
- Sapozhnikov, A. V. (2023). V Rossii na 160% za god vyroslo chislo ekstremistskikh prestupleniy [The number of extremist crimes in Russia has increased by 160% in a year]. *Kommersant*". Retrieved from <https://www.kommersant.ru/doc/5861839>
- Savage, R. (2019). Modern genocidal dehumanization: a new model. *Patterns of Prejudice*, 2, 139–161.
- Shipova, L.V. (2016). *Metody psikhologicheskoy diagnostiki agressii i agressivnosti shkol'nikov* [Methods of psychological diagnostics of aggression and aggressiveness of school-children]. Saratov: [s.n.]. Retrieved from: http://elibrary.sgu.ru/uch_lit/1647.pdf
- Serikov, A. V. (2020). Radikalizm i ekstremizm v rossiyskoy molodezhnoy srede v kontekste izbytochnykh sotsial'nykh neravenstv [Radicalism and extremism among Russian youth in the context of excessive social inequalities]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 6, 68–79.

- Sityaeva, S. M., & Yaremchuk, S. V. (2019). *Sub'ektivnye i ob'ektivnye prediktory ekstremistskikh ustanovok molodezhi* [Subjective and objective predictors of extremist attitudes of young people]. Komsomolsk on Amur: Amur State Pedagogical University for the Humanities.
- Sobkin, V. S., & Mkrtychyan, A. A. (2013). Rol' sotsiokul'turnykh faktorov v formirovanií otnosheniya k ekstremizmu sredi shkol'nikov Moskvy i Rigi [The role of socio-cultural factors in the formation of attitudes towards extremism among schoolchildren in Moscow and Riga]. *Natsional'nyy psikhologicheskiiy zhurnal*, 2(10), 32–40. doi: 10.11621/npj.2013.0204
- Taylor, M. (1988). *The Terrorist*. London: Brassey's.
- Troian, J., Baidada, O., Arciszewski, T., Apostolidis, T., Çelebi, E., & Yurtbakan, T. (2019). Evidence for indirect loss of significance effects on violent extremism: The potential mediating role of anomia. *Aggressive Behavior*, 45(6), 691–703. doi: 10.1002/ab.21863
- Tupikova, V. A., Gudkova, Ya. A., & Ovchinnikov-Lysenko, E. G. (2023). Empatiya studentov v kontekste riska ekstremizma [Students' empathy in the context of the risk of extremism]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Sotsiologiya*, 23(3), 579–589. doi: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-579-589
- Vereshchagina, M. V. (2010). *Etnicheskaya identichnost' i etnicheskaya tolerantnost' russkikh i osetinskikh studentov* [Ethnic identity and ethnic tolerance of Russian and Ossetian students]. Psychology Cand. Diss. Vladikavkaz.
- Vukčević Marković, M., Nicović, A., & Živanović, M. (2021). Contextual and Psychological Predictors of Militant Extremist Mindset in Youth. *Frontiers in Psychology*, 12, 622571. doi: 10.3389/fpsyg.2021.622571

*Received 23.04.2024; Revised 11.11.2021;
Accepted 23.01.2025*

Anatoly G. Madzhuga – Head of the Department of Pedagogy, Psychology and Health Protection at the Institute for Educational Development of the Republic of Bashkortostan, D. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: madzhuga.anatolij@inbox.ru

Aslanbek A. Saidov – senior lecturer at the Department of Psychology of the Chechen State Pedagogical University.

E-mail: aslsaidov@gmail.com